

- СВЕТЛАНА ЛАЩЕНКО 328 Проблема непроблемной науки
(Рец. на кн.: Булкина Т.В.
*Музыкальная наука в России
1920–2000-х годов. СПб., 2010*)
- А. И. РЕЙТБЛАТ 342 P.P.S. (к рецензии С. Лащенко)
- И. КУКУЛИН 346 Скоморох-западник (Рец. на кн.:
*Ичин К. Лев Луни, брат-скоморох
(О драматургии Льва Лунца).
Белград, 2011*)

КНИГА КАК СОБЫТИЕ

Гинзбург Л.Я. *Проходящие характеры. Проза военных лет. Записки блокадного человека / Сост., подгот. текста, примеч., статьи Э. Ван Баскирк и А. Зорина. М., 2011.*

- СЕРГЕЙ КОЗЛОВ 352 Победа и поражение Лидии Гинзбург
- АНДРЕЙ ТЕСЛЯ 354 Беспощадно зрячая

ХАЛТУРА

- ЛЕОНИД ПЕТРЕНКО 363 В жанре плагиата (Рец. на кн.:
*Суровцева Е.В. Жанр «письма
к царю» в XIX – начале XX века.
М.: ИРО-XXI, 2011*)
- 368 Новые книги
- 392 Новый альманах

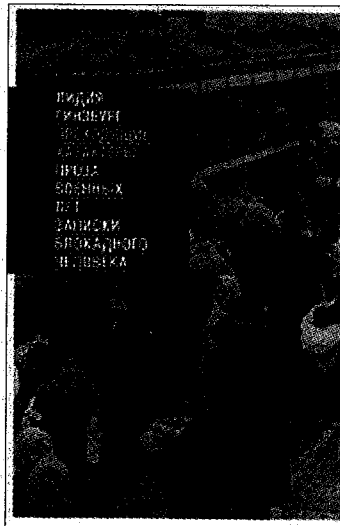
НА ПОЛЯХ

- ВЛАДИМИР ФРУМКИН 395 Новые мифы и старые факты

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

- С. М. СОЛОВЬЕВ 401 Международная научная
конференция «Судьба и творчество
Варлама Шаламова в контексте
мировой литературы и советской
истории» (Москва–Вологда,
16–19 июня 2011 г.)
- САЙМОН ЛЬЮИС 410 Международная конференция
«Теория и память в Восточной
Европе» (Кингс-колледж, Кембридж,
4–5 июля 2011 г.)

КНИГА КАК СОБЫТИЕ

Гинзбург Л.Я. ПРОХОДЯЩИЕ ХАРАКТЕРЫ / Сост. и подгот. текста, примеч. и ст. Эмили Ван Баскирк и Андрея Зорина. — М.: Новое изд-во, 2011. — 598 с.

Сергей Козлов

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ ЛИДИИ ГИНЗБУРГ*

Самым важным мне кажется тот факт, что эта книга решительно меняет наш модус восприятия психологической прозы Гинзбург — тот модус, к которому все мы успели привыкнуть за последние 30 лет и, замечу, которым мы все чрезвычайно дорожили. Это восприятие было сформировано собственными публикациями Лидии Яковлевны с 1982 по 1989 г., в которых она обращала свои старые тексты к сегодняшним читателям. В результате она стала восприниматься как сегодняшний, современный писатель, работающий в совершенно особом жанре, условно называемом «промежуточная проза». Воздействие, оказанное ее публикациями 1980-х гг. на читателей, было исключительным по силе и, главное, по непосредственности. Я процитирую высказывание одного ныне уже покойного читателя, которому в пору первых публикаций прозы Гинзбург было за пятьдесят. Вспоминая, что означало для него первое чтение эссеистики Гинзбург, он сказал так: «Она мне объясняла меня самого». Это совершенно совпадает с тем, что ощущал я сам, и, думаю, это очень близко к тому, что чувствовали тогда и потом многие другие. Гинзбург дарила язык и концептуальный аппарат для понимания себя и окружающих. Маризетта Чудакова в своем некрологе сформулировала этот эффект от текстов Гинзбург следующим образом: «За последние 10–15 лет она собственными руками, личными усилиями подняла уровень отечественной духовной жизни».

* Выступление на презентации книги Лидии Гинзбург «Проходящие характеры» 21 декабря 2010 г. в кафе «Март». Англоязычный вариант текста публикуется в сборнике «Lydia Ginzburg Multiple Identities» (Peter Lang, 2012).

Итак, это восприятие прозы Гинзбург, ставшее для нас привычным, было восприятием с точки зрения настоящего и восприятием, пронизанным максимальной личной заинтересованностью. Я бы хотел особо подчеркнуть еще два неявных свойства этого восприятия. Во-первых, это было восприятие недифференцированное: оно охватывало всю прозу Гинзбург в целом, en bloc, не членя ее на отдельные пласты. Хотя в публикациях 1980-х гг. эти отдельные пласты были размечены и в хронологическом, и в жанровом отношении, обе эти разметки не играли принципиальной роли для нашего восприятия текстов Лидии Яковлевны. Принципиальную роль играло разграничение между литературоведением Гинзбург и ее прозой. Проза же воспринималась поверх любых разметок как один большой массив, однородный в своем качестве и в своей ценности. Такое восприятие, конечно, основывалось на поразительной стилистической однородности всего известного нам прозаического творчества Гинзбург. Галина Даниловна Муравьева, близко знавшая Гинзбург, говорила мне, что Гинзбург нашла свой слог уже в самых ранних своих записях, точнее, не нашла, а имела его с самого начала. В книге, по поводу которой мы сегодня собрались, Эмили Ван Баскирк цитирует фразу одного из друзей Гинзбург о комическом несхождении между Лидией Яковлевной и ее матерью: «Курица высидела орлиное яйцо». Применительно к стилю Гинзбург эту метафору хочется продолжить: «похоже, что из орлиного яйца сразу вылупился взрослый орел, умеющий летать». Но, при том, что наше восприятие прозы Гинзбург было столь интегральным, мне кажется — хотя тут я ступаю на зыбкую почву чисто субъективных ощущений, — что у нашего восприятия была тем не менее определенная доминанта, и этой доминантой был все-таки совершенно определенный пласт прозы Гинзбург. Если вспомнить жанровое членение сборника «Человек за письменным столом» (Л., 1989) — 1) эссе, 2) воспоминания, 3) повествования, — то мне кажется, что наибольшую важность для нас имел первый раздел этого сборника — эссеистика. Хотя мы все были огульны и «Записками блокадного человека», и «Заблуждением воли», и другими повествованиями, мне все же кажется, что наиболее непосредственно важны для нас были такие тексты, как «О старости и об инфантильности», как «Полколение на повороте», как «И заодно с порядком». Мне кажется, что именно подобные тексты стояли для нас на переднем плане.

Замечательная книга, которую мы сейчас обсуждаем, заставляет распространиться с этим столь привычным непосредственно-заинтересованным восприятием текстов Лидии Яковлевны. Во-первых, не эссеистика является доминантой этой книги. Та неизвестная ранее эссеистика, которая есть в этой книге, написана с обычной для Гинзбург силой анализа, но вряд ли можно сказать, что эта эссеистика объясняет нам нас самих. Эта эссеистика объясняет нам историю — например, такие исторические объекты, как советская литература. В этой книге есть также портреты литераторов и ученых, по своей беспощадности сопоставимые с очерками Ходасевича, — и опять-таки эти портреты представляют интерес прежде всего постольку, поскольку вас интересует история, а не собственная ваша жизнь и душа. Но доминанту книги образуют не литературные портреты, равно как и не эссеистика. Доминанту образуют два потрясающих повествования — «Рассказ о жалости и жестокости» и «День Оттера».

Нельзя сказать, чтобы эти два текста открывали неслыханно новую Гинзбург. «Рассказ о жалости и о жестокости» — еще одно повествование о смерти ближайшего родственника, идущее в русле «Заблуждения воли». «День Оттера» — первоначальный вариант того, что позднее превратится в «Записки блокадного человека». Но, будучи объединены общими, причем психологически конкретными, персонажами, общим антуражем и одинаково жестким (хотя и разным в двух случаях) сюжетным каркасом, «Рассказ о жалости и о жестокости» и «День Оттера», совмещенные под одной обложкой, дают новое качество. На первый план книги выходит Гинзбург как повествователь.

Именно с этими двумя текстами связан тот новый взгляд на Гинзбург, о котором мы уже кое-что знали по ранее вышедшим статьям Эмили Ван Баскирк и Андрея Зорина. Теперь мы можем сами взглянуть на Гинзбург этим новым взгля-

дом. Это взгляд не с точки зрения настоящего, а с точки зрения истории. Прозаическое наследие Гинзбург впервые предстает нам в своей неоднородности. Впервые становится возможным говорить о раннем, среднем и позднем периоде как о существенно разных пластах творчества Гинзбург. И самое главное — впервые становится так резко видна центральная драма всей жизни Гинзбург.

Оказывается, что «промежуточная проза», идею которой Гинзбург негромко, но твердо отстаивала в поздний период своего творчества, была лишь паллиативом, чтобы не сказать — хорошей миной при плохой игре. Оказывается, что Гинзбург считала жанр записных книжек «литературой для импотентов», а подлинное свое призвание видела в создании романа в духе Пруста, — романа, предполагающего сотворение особого мира. Оказывается, что на этом пути она достаточно далеко продвинулась. «День Оттера» и «Рассказ о жалости и о жестокости» заставляют напряженно гадать о том, каков мог бы быть этот роман в своем конечном виде. Оказывается, что с этой точки зрения блокадная жизнь была для нее не величайшим несчастьем, а исключительным шансом, давшим ей небывалый опыт. И оказывается, что своей задачи она в конечном счете выполнить не смогла.

Это историческое фиаско Гинзбург поражает своей масштабностью именно в силу масштабности достигнутых результатов. Почему она потерпела поражение там, где более традиционные писатели — от Булгакова и Пастернака до Гроссмана и Солженицына — каждый по-своему, но достигли цели? Ван Баскирк и Зорин лишь подступают к ответу на этот вопрос: здесь требуется более детальный анализ. Но такой анализ — дело будущего. А сегодня, по-моему, главное в том, что благодаря этой новой книге мы впервые можем до конца понять, что стояло за всеми известными нам словами Гинзбург о трагедии нереализованности. Как вы, может быть, помните, у Гинзбург есть фрагмент о жизненной трагедии Пушкина. По мнению Гинзбург, трагедия Пушкина состоит не в том, что его убили, не в том, что его травили, не в том, что от него отшатнулись друзья, и не в том, что его не любила жена. Для Гинзбург трагедия Пушкина была в том, что западня, которую Пушкину расставили, не давала ему сосредоточиться на работе. Она пишет: «Нам, которых не удивишь зрелищем боли человеческой, до сих пор от этой трагедии больно». Я знал все эти суждения Гинзбург о нереализованности, понимал их автобиографический подтекст и все равно считал Гинзбург победительницей. Теперь я вижу ее колоссальное поражение, и мне от этой трагедии больно.

А н д р е й Т е с л я

БЕСПОЩАДНО ЗРЯЧАЯ

«...У меня есть желание и намерение прожить жизнь так, чтобы иметь право назвать клеветой всякое обвинение в *непорядочности*. У меня так мало сейчас переживаний этического и вообще не специального характера, что этим я дорожу, как воспоминанием детства, и не расположена с ним расстаться»¹.

Как ни банально это звучит, Лидия Гинзбург — человек, проживший большую и сложную жизнь и, что важнее, сумевший ее продумать, прожить осознанно и

1 Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе / Вступ. ст. А.С. Кушнера. СПб.: Искусство-СПб., 2011. (Далее — Гинзбург 2011а, с указанием номера страницы.) С. 385. Запись 1927 г.